

Лингвокогнитивные аспекты метазнаков: переводческие термины

The research deals with the terminology in translation. Attention is being paid to metasigns of compared termsystems.

Key words: *terminology, metasigns, translation.*

Переводоведение – молодая интенсивно развивающаяся наука с присущими ей объектами (номинативными и коммуникативными единицами), критериями оценивания результатов переводческой деятельности, методами и терминологическим аппаратом. В научном мире вопрос «быть или не быть» переводу снят с обсуждения. Актуальными остаются вопросы совершенствования перевода, выбора терминов, разработки принципов научной картины феномена. Фокусируется внимание на проблемах полимодальности, полифункциональности, полиаспектности перевода, его межъязыковой и межкультурной полифонии. Валоративными для решения переводческих проблем остаются положения о триаде модусов семиотических знаков языков (семантики, прагматики, синтактики), о главном действующем принципе перевода – Tertium Comparationis.

Объект исследования представлен корпусом переводческих доминантных терминов; предмет – их лингвокогнитивной полифонией, а именно: терминосистемой количественных единиц, с одной стороны, и метааппарата – с другой стороны. Погружение в тему обозначено использованием сравнения: действительности точности на материале количественных слов, анализом метазнаков переводоведения.

Не всегда точный перевод (подстрочный, слово в слово, буквальный) может хранить смысл оригинала, о чем свидетельствует дескриптивная подача коррелируемых ситуаций. Слово не может передаваться с максимальной точностью. А буквальный перевод не может быть художественным. Копия оригинала – это самый неточный, лживый перевод. Художественный перевод не копирует обычно фразеологию подлинника. Переводы С. Маршака не воспроизводят букву буквой, юмор юмором, красоту красотой. Поэт-переводчик не гонится за буквальной точностью, а передает внутренне обаяние подлинника.

Термин «точность перевода» не пользуется «былым уважением». В свое время В. Г. Белинский отдавал этому термину предпочтение как таковому, что предполагает сохранение в переводе и художественного достоинства оригинала.

Статус термина все больше эмпатируется в научных исследованиях современных лингвистов. Соотнесенность терминов с языком и терминологией объективирует их статус «слуги двух господ». Маркеры терминологичности верифицируются в парадигме требований системности, точности, однозначности, десинонимичности и деэмоциональности. Требование точности по-разному актуализируется в гетерогенных терминосистемах. Так точность числительных («абсолютных терминов» по утверждению А.Е. Супруна) является прозрачной в формуле их существования: $Ч_n = Ч_{n-1} + 1$. Ср. ($9 = 8 + 1$, $7 = 6 + 1$). Самые точные в языке числительные открыты семантической девиации.

При этом точность в лексикографических дефинициях определяется как высокая степень строгости, полноты, правильности в расчетах, измерениях, вычислениях. Точный – строго, не приблизительно измеренный, вычисленный, максимально приближенный в своем числовом выражении к объективным данным (противополож. – *приблизительный*), отмеченных строгостью, устанавливающих объективное число, количество чего-либо.

Для параметризации понятия *точность* обратимся к формализации номинаций *exact* в словаре ОЕД, включив в эксперимент следующие этапы: 1) на первом этапе выписываются аллонимы слова *exactness*; 2) на втором этапе – аллонимы каждого аллонима слова *exactness*; 3) на третьем этапе эта процедура повторяется с каждым появляющимся аллонимом; 4) в дальнейшем аллонимы принимаются за семантические

Семантическая дистанция *exact* и его аллонимов формализуется следующим образом:

1. $D(\text{exact} :: \text{punctuality}) = 1 - \frac{2 \times 5}{6 + 6} = 0,16$
2. $D(\text{exact} :: \text{strictness}) = 1 - \frac{2 \times 3}{5 + 3} = 0,3$
3. $D(\text{exact} :: \text{accuracy}) = 1 - \frac{2 \times 3}{6 + 4} = 0,4$
4. $D(\text{exact} :: \text{precision}) = 1 - \frac{2 \times 3}{6 + 5} = 0,4$
5. $D(\text{exact} :: \text{minuteness}) = 1 - \frac{2 \times 1}{6 + 2} = 0,7$
6. $D(\text{exact} :: \text{definiteness}) = 1 - \frac{2 \times 1}{6 + 3} = 0,7$
7. $D(\text{exact} :: \text{correctness}) = 1 - \frac{2 \times 1}{6 + 4} = 0,8$
8. $D(\text{exact} :: \text{true}) = 1 - \frac{2 \times 1}{6 + 2} = 0,7$
9. $D(\text{exact} :: \text{distinctness}) = 1 - \frac{2 \times 0}{6 + 3} = 1$
10. $D(\text{exact} :: \text{fixed}) = 1 - \frac{2 \times 0}{6 + 1} = 1$
11. $D(\text{exact} :: \text{determinate}) = 1 - \frac{2 \times 0}{6 + 2} = 1$

На шкале оценок приближение к нулю «0» свидетельствует о схождениях сравниваемых слов, а единица «1» – наоборот, об их расхождениях, дистанцировании:

Семантическая шкала аллонимов термина *exact*

0	0,16	0,3	0,4	0,7	0,8	1,0
	punctuality	strictness	accuracy precision	minuteness, true, definiteness	correctness	distinctness, fixed, determinate

Теоретическое обоснование правильного выбора метазнаков – одна из нелегких задач переводоведения. Буквальная точность перевода подчас приводит к полному искажению подлинника. Переводчик – это не копиист, а художник. И перевод зависит не только от судьбы произведения, но и его переводчика. Ср. эпизод с Черри Орчард («Вишневый сад»). Точность как результат ментального осмысления эксплицируется в парадигме $\text{термин}_2 \leftarrow \text{термин}_1$. Как вторичное образование метазнак ТОЧНОСТЬ имеет разное толкование в научной картине мира. Точность как числовая и димензиональная представленность дискретных и недискретных реальных объектов не подлежит сомнению. Но наше познание не является зеркальным, абсолютно приближенным к реальному миру, о чем свидетельствует его вербализация в русле приблизительности, индефинитности и размытой параметризации денотатов. Языковые знаки выступают вторичными единицами по отношению к познаваемым объектам. Об относительном характере отражения свидетельствует наличие корпуса вербализаторов – интенсификаторов и аппроксиматоров. В модусе языка числительные – самые чистые и точные термины. Они отвечают критериям, выдвигаемым к статусу терминологических единиц. В модусе речи и речевой деятельности их поведение свидетельствует о статусе «слуги двух господ» – языка как системы и терминологии как его подсистемы. Обращение к художественному дискурсу свидетельствует о том, что 10 % нумеральных словосочетаний реализуются как вербализаторы неточного (приблизительного или размытого) количества. В этом статусе числительных значимыми являются малый синтаксис и текстовое пространство. Действие закона избыточности срабатывает в паттернах с интенсификаторами-спецификаторами, которые находятся в препозиции или постпозиции к собственно нумеральным сочетаниям. У функции аппроксиматоров употребляются наречия (43%), прилагательные (37%), указательные местоимения (17,3%) и словосочетания (2,7%). Помощь для реализации приблизительности оказывается монологическими и полилексемными единицами. Детерминологизация числительного как термина (потеря точного значения)

начинается в условия свободного синтаксического словосочетания и продолжает реализовываться на фразеологических просторах (см. Таблицу 2).

Таблица 2. – Средства выражения неточного числа в англоязычном дискурсе

№ п/п	Модели нумеральных сочетаний	Интервал вариации	Примеры
1.	SpNumN	$63,8 \pm 4,004$	twenty odd miles; perhaps twenty years
2.	Num ₁ Num ₂ N	$21,4 \pm 3,6$	two-three hours
3.	NNum	$4,2 \pm 0,3$	a day or two; a mile or two
4.	prNumN	$4,8 \pm 0,24$	a little after five o'clock
5.	(NumN) inter.	$3,4 \pm 1,2$	Say, around three o'clock? You can stand six months?
6.	(NumN)negat.	$1,1 \pm 0,2$	I had not lived there six months
7.	(NumN) phr.	$1,2 \pm 0,25$	to say a thousand kisses; a stitch in time saves nine

В малом синтаксисе точность семантизируется в речи при условии, когда спецификатор не размывает числовую точность нумерального слова, когда последнее верно своей однозначности, а детерминируемые денотаты соотносятся с реальным миром. Спецификаторы в роли интенсификаторов выступают избыточным средством точности, в функции экспрессива, убеждающего правомочность числового вербализатора. Свидетельством функции аппроксимации служит корпус языковых единиц, извлеченных из художественного дискурса.

В модуле языка, речи и речевой деятельности точность числительных представлена по-разному. Это объективируется их семантической девиацией, тенденцией к деквантификации (потери точности) и десемантизации (опустошение семантики). Прагматическая сторона числительных естественно проявляется при небуквальном узусе этих номинативных единиц. Текстцентрический подход маркируется в трансляторе адекватностью смысла и эквивалентностью блоков номинативных единиц.

Фразеологическим единицам с числительным – ФЕ(ч) присуще явление семантической девиации: сначала деквантификации, затем – опустошенности. На фразеологических просторах ФЕ(ч) оязыковляют понятия «много», «мало», оценку (в основном качественную) и, наконец, – семантические лакуны. Ср.:

англ.	русс.
<i>three cheers</i>	<i>Ура!</i>
<i>to make two ends meet</i>	<i>сводить концы с концами</i>
<i>nine days' wonder</i>	<i>краткосрочное чудо</i>
<i>one in a thousand</i>	<i>очень редко</i>
<i>three tailors of Tooley street</i>	<i>народ Англии</i>
<i>one at a time</i>	<i>по очереди</i>
<i>an old friend is better than two new ones</i>	<i>старый друг лучше новых двух</i>

Фразеологические единицы с числительным как вторичные конструкции репрезентируют семантико-структурные отклонения от исходных словосочетаний. Исследование поверхностных и глубинных структур ФЕ(ч) является весьма валоративным в русле действенности человеческого фактора, а также поляризации дихотомий типа противопоставления полилексемных ФЕ(ч) их узуальным производящим единицам, первичных конструкций вторичным, национальных – транснациональным, нейтральных – экспрессивным. ФЕ(ч) присущи стабильность, семантическая когерентность, семиотическая значимость [9], открытость процессов дивергенции и конвергенции.

Национальная маркированность, этнический шарм «излучают» ФЕ(ч) типа амер. *the old thirteen* «старый государственный флаг США», *two bits* «монета в 25 центов», *a long bit* «монета в 15 центов», *a short bit* «монета в 10 центов».

Поверхностные структуры ФЕ(ч) открыты процессу замещения, что объективируется наличием синонимов, аллонимов. Ср.: англ. *One today is worth two tomorrow; Never do tomorrow what you can do today; Never put off till tomorrow what you can do today.* – русс. *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня;* англ. *One bird in hand is worth two in the bush* – русс. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе;* англ. *Seven cooks spoil the broth* – русс. *У семи нянек дитя без глазу.* Универсальным для ФЕ(ч) является феномен антонимии и омонимии.

ФЕ(ч) образуют сектор вторичной номинации, коррелируют с коннотативной лексикой, оязыковляют этношарм носителей языка. Общность черт ФЕ(ч) у сравниваемых языков делает возможным адекватное осмысление и перевод имманентными средствами транслятора. Обязательным при этом есть сохранение смысла ФЕ(ч), факультативным – лексико-семантических параллелей.

Семантическое наполнение полилексемных единиц при этом сохраняет когнитивный опыт. Исходные нумеральные словосочетания лексикализируются во вторичные конструкции, у которых количественное наполнение может уступать качественному или опустошаться.

Подобные семантические девиации присущи и другим ФЕ. Ср. русс. *взвесить доводы, ноль внимания, фунт презрения, размер морального ущерба;* англ. *bushels of girls, tons of pirates, ells of sleep, pounds of pardons.*

Квантитативность в условиях DeNum семантизируется в русле точных (*twice, once, thrice, two fold*), приблизительных (*hundredsome, fortyish, a something twenty*) и размытых параметров (*mileage, acreage*). Предметность денумеративов имеет морфологическое разнообразие, разный частеречный характер (*someone, none, a twentyish*).

Особое внимание вызывают вопросы параллельного обозначения числа как в языке, так и в речи. К языковым канонизированным единицам относятся счетные слова типа англ. *score, brace, pair, dozen*. Речевые единицы с имплицитной или эксплицитной семами числа составляют также исследовательскую лакуну. Релевантным представляется пример А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как особого авторского счета:

*Сидят чудища кругом,
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой – с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там – карла с хвостиком, а вот –
Полужуравль и полукот.*

Стремительное развитие когнитивной лингвистики и концептуальных исследований стимулирует углубленное теоретическое обоснование метазнаков, требующих объективной верификации, и появление терминов *exact, adequate*. Последние не имеют однозначного толкования: они или взаимозаменяются, или синонимизируются, или дистанцируются. При анализе средств выражения результатов познания большое значение приобретает вопрос раскрытия сущностных свойств понятия «точность», определения его параметров, сопричастности с понятием «адекватность». Объект нашего исследования – семантический объем метазнаков *exact, adequate, equivalent* в англоязычной терминологии, предмет – формализация их семантического объема с целью объективации выбора соответственных знаков категоризации.

В понятия «точного», «адекватного» вкладывается разный смысл. В 17 веке схоласты слово *адекватный* соотносили с неточно познанным. В современных словарях

«адекватное» эксплицируется как результат познания, предполагающего отражение фрагментов объективной действительности. Ср. лат. *adaequatus* «приравненный», «равный», «верно отражающий», «вполне соответствующий». Точность определяется как высокая степень полноты и правильности. Точный – строго, не приблизительно измеренный, вычисленный, максимально приближенный в своем числовом выражении к объективным данным (противополож. – *приблизительный*), устанавливающих объективное число, количество чего-либо.

В современной терминологии ученые предпочитают слово *adequate* и его синонимы *equivalent*, *congruent*, *correspondent*, что объективируется формализацией их семантической наполняемости.

Для разгадки феномена интерлингвальной и интралингвальной конгруэнтности значимой представляется ссылка на гиперогипонимические аллонимы, параметрические валоративы *congruent*, *equivalent*, *adequate*, у формализации которых используется формула семантической дистанции переводческих метазнаков. См. матрицу семантической наполняемости указанных валоративов (таблица 3).

Таблица 3. – Семантическая наполняемость *adequate*, *equivalent*, *congruent*

adequate	equivalent	congruent
1. equal	1. equal	1. equal
2. sufficient for special requirement	2. equivalent in something	2. corresponding 3. coinciding

Значение «*equal*» реализуется во всех отмеченных терминах: $q=1$, скалярная близость этих терминов очевидна. Ср.:

$$D(\text{adequate} :: \text{equal}) = 1 - \frac{1 \times 2}{2 + 2} = 0,5;$$

$$D(\text{adequate} :: \text{congruent}) = 1 - \frac{1 \times 2}{2 + 3} = 0,6;$$

$$D(\text{congruent} :: \text{equivalent}) = 1 - \frac{1 \times 2}{2 + 3} = 0,6$$

Термин *equivalent* ассоциируется с переводом лексических и грамматических блоков, *adequate* – с глубинной структурой коррелируемых единиц. Эквивалентными представляются структуры, которые на интерлингвальном уровне полностью или частично совпадают. Адекватное толкование сохраняете семантическую / прагматическую наполняемость коррелируемых единиц. Поверхностная структура транслатем отличается и не имеет тождественной визуализации. Перевод не предполагает сохранение всех аспектов семиотических знаков оригинала и перевода. Достаточной является представленность семантических и прагматических аспектов. Валидность метазнака *adequate translation* объективируется результатами семантического анализа релевантных единиц, формализацией их параметризации, идентификацией смыслов, которые рождаются мыслью и вербализуются языковыми единицами.

В современной научной картине ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ и АДЕКВАТНЫЙ трактуются как метазнаки, как термины терминов, как обобщенное название, как вторичные конструирования. Ср. *метаязык*, *метатермин*, *метатекст*. При рассмотрении корреляции транслатем отношения тождества не срабатывают. Сопоставление номинативные единицы и коммуникативные единицы производится по принципу *Tertium Comparationis*. Транслатемам как семиотическим знакам присущи имманентные свойства, проявляющиеся в их семантике, прагматике и синтактике, сопоставление которых объективирует выбор маркера перевода. Формула $A = B$ не верифицируется в силу обязательного расхождения поверхностных структур номинативных единиц и семантического дизайна, включая графические образы денотатов. Эквивалентность не равняется адекватности при тесной их сопряженности. Эквивалентность рассматривается

учеными по-разному: как формальное сходство, максимальное использование словарных и грамматических соответствий, буквализм, сохранение коммуникативных заданий, словоцентричный подход, как перевод точных денотативных значений на автостопе, одноуровневый перевод, смысловая близость с оригиналом, общность содержания, наличие нормативных стандартов, узусов языка перевода. В упомянутом списке имеют место ссылки на точный и адекватный переводы. Шарм ТОЧНОГО ПЕРЕВОДА как метазнака в научной литературе исчезает. Остаются параллели с метазнаком АДЕКВАТНОСТЬ. Адекватный перевод комментируется также разновекторно, как: свойство содержательное, стремление к идиоматичности, к вольности, воспроизведение смысла (а не пересказ), отсутствие одинаковых слов, сопряженность с холистическим подходом, недопустимые информативные опущения, приветствуется эмпатия текста оригинала, соответствие требованиям коммуникативного акта, детерминация прагматической интенцией, сохранение образной структуры и ауры оригинала, текстоцентрический вектор, действенность интерпретации, литературной обработки, сохранение идиоматики, привлечение небуквальных смыслов и дескриптивного оформления. Обращение к семантической формализации метазнаков ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ :: АДЕКВАТНОСТЬ объективирует их принадлежность к родовым метазнакам. Эквивалентность выражается на лексическом и грамматическом уровнях, их семантико-структурных параллелях, названия которых мотивируются в полной и частичной конгруэнтностью. Ср. лексемы англ. *house*, русс. *дом*, которые отмечены полной эквивалентностью: монолексемные простые слова, семантически конгруэнтные, соответствующие. В единицах типа англ. *little house*, русс. *домик* срабатывает частичная эквивалентность: структурные расхождения, английская билексемная структура, морфологические девиации коррелятов. В англ. *complexion*, русс. *комплексия* не срабатывает семантическая конгруэнтность. Ошибку провоцирует здесь образ «лживого переводчика». В дихотомии англ. *I wonder* :: русс. *интересно* срабатывает структурная разнопредставленность.

Перевод – это не герой, а «слуга двух господ» (языка и ситуации). Мастерство переводчика состоит в том, чтобы передать информацию нормативными единицами транслятора. Переводчику не обойтись без филологических знаний и знаний родного языка.

Не все конструкции являются единицами перевода, но действенным в эпоху глобализации является принцип переводимости. Пессимисты утверждают, что через 25 лет 6 000 языков сократятся до 600, но при этом тождество $T_1 = T_2$ останется сомнительным. Вторичные образования отличаются от первичных (исходных) результатами деривации и девиации. Кроме того, небуквальные образы и в перспективе будут требовать иносказания, интерпретации, дескриптивного представления, герменевтического подхода, чтобы избежать искажения смысла исходного высказывания, искажения авторских интенций, пропуска информативных лакун и нарушения узуса. Слова в своей диахронической памяти хранят следы синкретизма, адгерентности и контекстуальной зависимости. Самые точные слова (в нашем случае числительные) открыты модифицированному выражению приблизительности и индефинитности. Переводимости коррелируемых единиц способствует сопоставление их семиотической природы и действия Tertium Comparationis. Адекватность перевода объективируется наличием семантического/прагматического соответствия глубинных структур единиц перевода. Поверхностные структуры при этом в основном дистанцируются.

Ситуативные корреляты отмечены в переводе лексической эквивалентностью, а лингвистические корреляты – поиском аналогов, дублетов, соответствий. Ср. гендерную представленность в несерьезном дискурсе: *сама придумала, сама расплакалась; меньше всего женщина разговаривает в феврале; в споре с женщиной последнее слово может сказать только эхо; из ничего женщина сделает салат, прическу и трагедию*; или из детских находок (коммуникативных лакун): фатическое восклицание: «*Сколько лет,*

сколько зим!» Ответ «9 лет». По телефону: «Отец дома?» Ответ «Да», - отвечает ребенок и кладет трубку. Или этнофоны типа: *варвар* – повар на двоих, *главбух* – маршал артиллерии, *не хочет косой косить косой, говорит косой: коса коса*.

Алогизмы требуют особой рафинации в языке перевода для сохранения, например, комического эффекта. Ср. *зубочистка* – *боксер на ринге*, *Красная икра* – *дети красной рыбы*, *Летят утки* – *в больнице*, *У студента два праздника: Новый и год и каждый день*, *Построили мост, а теперь речку будем строить*.

Нет языка без системы, а системы – без подсистем. В каждом языке обособляется терминологическая лексика, изучение становления которой является актуальным для распознавания тенденций функционирования языка.

Основными принципами представленного исследования явились изречения И. Канта «Нет познания без сравнения», М. Кочергана «Нет сравнения без системности» и Р. Якобсона «Нет сравнения без сходства».

Shvachko, S. On the Status of Translation Terms [Text] / S. Shvachko // Multidisciplinary Translation: from Science to Arts. - Riga: Baltic International Academy, 2014. - 303 p. - P.92-102.